

Дороги, которые нас выбирают

Сергей Косенко

Мальчик, родившийся в Виннице в семье военного юриста, пошел в первый класс в Перми, потом сменил еще три школы (в Днепропетровске, Луганске и Владикавказе), потому что с отцом кочевал по СССР, и закончил среднюю школу в Караганде. Сегодня этот город в Казахстане известен всем по крылатой фразе: «Где? Где?...». А юному Валере просто-таки стал родным.

После бурного выпускного вечера с подбитым глазом до поступления в московский вуз юный романтик два года «отрубил» в Карагандинском НИИ угля. Сначала как лаборант, обязанный с датчиком опускаться в окружавшие город шахты, чтобы долгими часами в полумраке зябкого штрека замерять вибрацию воздухозаборных насосов для последующего исследования местными учёными. Потом помощником библиотекаря в библиотеке того же НИИ, где была только научная литература по добыче угля и машиностроению. Ни в вибрации, ни в машиностроении Валера так и не разобрался. В свободное от работы время руководил городской пионерской комнатой, неплохо освоил владение рапирой в местной сборной по фехтованию, собирал коллекцию марок, учился играть на гитаре и баяне, много читал и хотел быть мушкетером.

Надо уточнить, что ни о каких жизненных дорогах он тогда еще не смел и не умел мечтать. И не мог себе даже представить, что его дальнейший путь по жизни будет состоять из случайностей, парадоксов и чудес.

Еще в выпускном классе, после приписки в военкомате, с некрасиво стриженной головой, «мушкетер» откликнулся на призыв военкома и записался на поступление в Ленинградское военное кораблестроительное училище, хотя об устройстве кораблей и их предназначении имел еще меньшее представление, чем о вибрации. К его счастью, на отборочном медицинском осмотре вращение на центрифуге оказалось для него фатальным - сильно закружилась голова - и отряд военных инженеров-кораблестроителей недополучил «ценного специалиста». И тут, однажды в их мальчишеской компании появился франтоватый и полноватый, но молодой еще человек, поразивший всех не только рассказами о дальних странствиях, но прежде всего своими невиданными галошами, которые в отличие от традиционных советских, твердых, блестящих и черно-красных, были серыми, матовыми и мягкими, так что, сняв, их можно было убрать в мешочек или в карман. Новый товарищ рассказал, что проучился четыре года в Московском институте международных отношений (МИМО), изучал кхмерский и китайский языки, побывал на практике в экзотической Камбодже и недолго в Пекине, но был отчислен, потому что в конце концов не осилил китайский. А в Караганду приехал, чтобы поступить в местный политехнический и жить у дяди. Профессию инженера он теперь считал более надёжной и востребованной.

А через короткое время после этого разговора случилось первое чудо, возможное только в незабвенные советские времена. В «Комсомольской правде», которую выписывал примерный комсомолец, опубликовали объявление с приглашением поступать в тот самый загадочный МИМО (тогда еще слова Государственный в названии вуза не было). Карагандинский смельчак послал свои документы по указанному адресу и вскоре получил подтверждение о

допуске к экзаменам. Прибыв в назначенный срок в Москву и остановившись у родной тётки, решительный провинциал не осознавал до конца куда и зачем он поступает. А проводивший с ним предварительное собеседование преподаватель или аспирант скорбно глядел на него и советовал не тратить попусту время, возвращаться в казахстанские края и поступать там. К экзаменам пришьельца всё же допустили, но вышел он из них пораженцем – пятерка была только по немецкому (в карагандинской школе его преподавали носители). Три четверки не спасли, т.к. по сочинению была тройка. В итоге получилось мимо МИМО.

Весь следующий год ушёл на тщательную подготовку ко второй попытке. Из принципа, т.к. понятия о профессии дипломата Валерий имел весьма расплывчатые, но, как филателист, увлекался географией, языками и тоже мечтал о путешествиях в далёкие и, желательно, экзотические страны, где бывали герои прочитанных им приключенческих книг. Его заявление о поступлении в престижный вуз было снова принято, но это уже не было чудом. Сыграли роль два солидных дописка: справка о двухгодичном трудовом стаже и направление республиканского комитета комсомола. Не подвели и отметки на экзаменах – четыре пятерки и четверка по сочинению. Не обошлось и без маленького чуда. Протиснувшись на прием к председателю экзаменационной комиссии, настырный карагандинец спросил, каковы недостатки его сочинения. Председатель, в прошлом известный литературовед, достал из пачки «труд» приезжего юноши, внимательно пролистал и исправил красным карандашом четверку на пятерку. Возможно, у Валеры был жалкий вид, а, возможно, так распорядилась судьба.

Свершилось и второе советское чудо – посланца казахских степей зачислили в престижный московский вуз. Кроме детей номенклатуры и дипработников, поступать которым было легче, в рядах советской дипломатии соблюдался принцип квот с учётом социального происхождения - для «рабочих», «солдат», нацкадров, школьников-медалистов и т.п. С пятерками по всем предметам, рекомендацией республиканского комсомола и двумя годами «рабочего» стажа, Валерий, видимо, прошёл по квоте «трудовиков». На собеседовании после экзаменов его спросили какие языки он хотел бы изучать. Романтик, не раздумывая ответил: любимый немецкий, арабский или японский. На сей раз чуда не случилось, но он не очень огорчился, увидев себя в группе румынского и французского. Улыбнулся, вспомнив, что у Остапа Бендера был шарф «какого-то румынского оттенка», ну а французский вообще язык королей, мушкетеров и куртизанок. Последовал окончательный короткий заезд в Караганду, в жаркий казахстанский июль, трогательное слезливое прощание с родителями и волнующее возвращение к началу занятий в Москву, в чистую маленькую квартирку, снятую вместе с приятелями на окраине города, в новостройках.

Румынский язык оказался выигрышным лотерейным билетом – не сложный для изучения в отличие, например, от корейского или сингальского, на экзаменах обеспечивал сплошные пятерки. Это подтягивало отметки и по другим предметам. Пять лет напряжённой учёбы пролетели незаметно, и очередное чудо произошло – получено распределение в МИД с немедленным назначением в Бухарест и правом на прописку в Москве по возвращении. Румыния, в отличие от Венгрии, Югославии или Чехословакии, считалась в МИДе

непрестижной страной. Но для вчерашнего карагандинца это было начало большой, интересной жизни и профессиональной карьеры.

Однако начинать пришлось не в посольстве в Бухаресте, а маленьким секретарем в маленьком генконсульстве, в никому не нужном, маленьком портовом городке Констанца на Чёрном море, что, с учетом курортной зоны для небогатых западников, всё же выглядело везением. Туда же вскоре прибыла в качестве жены секретаря генконсульства прелестная барышня, выпускница МИМО, с которой Валерий платонически и стеснительно пересекался в институте, не решаясь, как безлошадник, на откровенные признания. Месяцы грустного одиночества в Констанце среди пожилых сослуживцев подсказали ему правильный путь и несколько нежных писем к виртуальной возлюбленной завершили дело. Больше всего его поразила готовность девушки-мгимовки из благополучной московской семьи отправиться к мужу фактически в зарубежную дыру, непрестижную Констанцу, хотя другие выпускники приглашали её куда в более «жирные» места на глобусе. Значит сильна была любовь, и игра стоила свеч. Так началось личное счастье Валерия. А через год новый посол, посещая свои румынские владения, забрал молодую пару в Бухарест и, учитывая отличный румынский и приличный французский секретаря генконсульства, сделал его своей правой рукой для общения с дипкорпусом и руководителями страны пребывания. Это уже была случайность, но не чудо.

Шесть лет, проведенных в Румынии, не прошли даром – приобретенный опыт, повышение по службе и надёжное трудоустройство. В МИДе по-прежнему не хватало кадров по Румынии, в частности, для переводов на высшем уровне. От этой «почётной лямки» было не отвертеться, а главное – сама по себе тяжёлая обязанность переводить высшему руководству не позволяла строить планы на выезд в какую-то другую страну, например, в Африку – «А кто будет переводить министру с румынским?» - каждый раз ехидно повторял заведомо, отклоняя просьбу Валерия отпустить его в Африку. Выручило новое чудо в лице бывшего работника ЦК ВЛКСМ, навещавшего Бухарест, а после окончания Дипакадемии назначенного начальником кабинета заместителя министра иностранных дел, куда через месяц после встречи он перетаячил бухарестского знакомца. Почтенный замминистра, которому представили застенчивого молодого человека, сразу узнал его, сказав, что помнит, как он здорово переводил переговоры с румынами на этом неведомом никому языке. Румынский действительно оказался выигрышным лотерейным билетом. Через три года напряженной службы в коридорах власти МИДа стало возможным забыть Румынию и начать думать о новой командировке, но уже с французским. Снова потянуло к мушкетерам.

Желание материализовалось с руки знакомого генконсула в Марселе. Очередное чудо, случайность или парадокс? Еще в вузе, на время летних каникул, бывший руководитель пионерской комнаты в Караганде, предпочитал работу вожатым в мидовском пионерлагере под Москвой вместо увлекательного, по рассказам друзей, ударного труда в стройотрядах в далекой Сибири. Сибирью казахстанца было не удивить. Среди подопечных пионеров случайно оказались дочка будущего генконсула в Марселе, тогда еще первого секретаря в совпосольстве в Бурунди. Девочка обожала своего весёлого вожатого, и папа этого не забыл. Почти двенадцать лет спустя их встреча в приемной

замминистра была искренней и теплой. Простая фраза «Давай ко мне, Валера, у меня есть вакансия», прозвучала магически. Марсель - город Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо. Романтично. Но на собрании партячейки, которая должна была утвердить характеристику на выезд, один коллега, будущий большой начальник, сухо заметил: «Хочешь ехать в Марсель с понижением, подрываешь статус работника Секретариата?». Ответом было: «Ну если вы меня направите с повышением в Париж, я не откажусь». Посмеялись и характеристику утвердили. Парадокс?

А впереди была долгая, интересная жизнь – Париж, учёба в Дипакадемии, руководство мидовским отделом прав человека в Перестройку, работа в постпредстве СССР и РФ при ООН в Женеве, переход в гражданскую службу Защитных сил ООН в Югославии (ЮНПРОФОР), руководство её офисами в Вуковаре и Белграде, а позднее офисами Международной организации по миграции (МОМ) в Москве и Париже. И потом целая вечность в качестве фрилансера в системе международных гуманитарных организаций в Женеве.

А всё дело оказалось в необычных галошах.